

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-177-189>

Научная статья / Research article

Аугустинас Вольдемарас и советско-литовские отношения в 1926–1929 гг.

Александр Иванович Рупасов

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

✉ rupasov_ai@mail.ru

Аннотация: Анализируются нюансы изменений в советско-литовских отношениях после государственного переворота, осуществленного в декабре 1926 г. Приход к власти лидеров Союза литовских националистов (таутининков) А. Сметоны и А. Вольдемараса изначально способствовал возникновению ситуации неопределенности в двусторонних отношениях. В Москве были крайне озабочены стремлением Вольдемараса добиться обострения польско-советских противоречий с целью выгодного для Литвы решения проблемы Вильнюса. Советская сторона испытывала опасения, что Вольдемарас способен спровоцировать вооруженный конфликт с Польшей и что в этот конфликт неизбежно окажется втянут Советский Союз. С другой стороны, советская дипломатия была крайне заинтересована в сохранении как независимости Литвы, так и в поддержании некоторой напряженности в отношениях Польши и Литвы, поскольку такая ситуация создавала серьезные препятствия для распространения влияния Польши на весь восток Балтики. К концу 1920-х гг. для политического руководства СССР стало очевидным, что недовольство политикой Вольдемараса в Литве достигло своего апогея и что следует ждать в ближайшем будущем вытеснения Вольдемараса из политической жизни Литвы. В результате за несколько месяцев до отставки Вольдемараса политическое руководство СССР категорически высказалось против контактов с ним руководства Народного комиссариата по иностранным делам.

Ключевые слова: Прибалтика, таутининки, Виленский край, международные отношения

Для цитирования: Рупасов А.И. Аугустинас Вольдемарас и советско-литовские отношения в 1926–1929 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 2. С. 177–189. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-177-189>

Augustinas Voldemaras and Soviet-Lithuanian Relations in 1926–1929

Aleksandr I. Rupasov

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

✉ rupasov_ai@mail.ru

Abstract: The article analyzes the nuances of the changes in Soviet-Lithuanian relations after the coup d'etat staged in December 1926. The coming to power of the leaders of the Lithuanian Nationalist and Republican Union A. Smetona and A. Voldemaras initially contributed to the situation of uncertainty in bilateral relations. Moscow was extremely concerned about Voldemaras' desire to exacerbate the Polish-Soviet contradictions in order to solve the Vilnius problem in Polish-Lithuanian relations. The Soviet diplomats feared that Voldemaras could provoke an armed conflict with Poland and that the Soviet Union would inevitably be involved in the conflict. On the other hand, Soviet diplomacy

was interested in maintaining both the independence of Lithuania and the maintenance of some tension between Poland and Lithuania, as this situation created obstacles to Poland's spread of influence throughout the Baltic East. By the late 1920s, it became apparent to Moscow that dissatisfaction with Voldemaras' policy in Lithuania had reached its climax and that Voldemaras was to be forced out of Lithuanian political life in the near future. As a result, a few months before Voldemaras' resignation, the political leadership of the USSR categorically opposed contacts with him by the leadership of the People's Commissariat for Foreign Affairs.

Keywords: the Baltics, tautininkai, Vilnius region, international relations

For citation: Rupasov, A.I. "Augustinas Voldemaras and Soviet-Lithuanian relations in 1926–1929." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 2 (May 2022): 177–189. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-177-189>

Введение

В Литве, первом из государств Балтии, был установлен авторитарный режим в результате декабрьского переворота 1926 г., вызвавшего серьезную озабоченность советской стороны. Политика СССР в отношении Литвы к середине 1920-х гг. обуславливалась несколькими факторами, среди которых важнейшую роль играло стремление руководства СССР не допустить формирования единого блока лимитрофов, в котором ведущая роль с неизбежностью оказалась бы у Польши. В отношении того, что Литва может стать частью подобного блока, советские дипломаты не испытывали беспокойства¹. Польско-литовский конфликт в вопросе о принадлежности Виленского края создавал определенные предпосылки для успешной реализации данной цели. И.Л. Лоренц, занявший пост полпреда в Литве в конце лета 1924 г., исходную точку для анализа советско-литовских отношений сформулировал следующим образом:

Всякий ответственный литовский политик понимает, что без Вильно и без границы с нами Литва не имеет данных для самостоятельного экономического существования².

Из этого положения как следствие вытекала необходимость поддержки Литвы «по всем важнейшим вопросам литовской политики», так как считалось, что в противном случае Литва попадет под влияние Польши. Поддержка Литвы в виленском вопросе диктовала желательность всемерного усиления националистических кругов³, и уже в силу этого данная политика не могла не быть антипольской⁴.

Судя по оговоркам И.Л. Лоренца в докладах руководству НКВД, к концу 1924 г. в политике в отношении Литвы наметились едва заметные изменения:

За последнее время, по-моему, мы пошли по пути некоторого выявления этих наших планов. Во всяком случае последние заметки в нашей прессе по виленскому вопросу <...> и, что важнее всего, наша политика в Минске и настроение, какое сейчас существует в Виленщине, вызвали здесь в Ковно определенное впечатление, что мы сами имеем aspirations на Вильно, и что Литва, во всяком случае, рассчитывать на нашу помощь по виленскому вопросу ни при каких условиях не может⁵.

По этой причине полпред считал желательным создание у литовской общественности видимости того, что Москва в споре Литвы с Польшей за Вильно стоит на

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 04. Оп. 27. П. 183. Д. 66. Л. 10.

² Там же. Д. 64. Л. 24.

³ Там же. Л. 50–52.

⁴ Там же. П. 184. Д. 68. Л. 46–47.

⁵ Там же. Л. 19; В другом свое докладе Лоренц обмолвился: «[Литва] не представляет для нас того интереса, который она обещала иметь в начале» [Докладная записка И.Л. Лоренца, 30 декабря 1924 г.]. См.: Там же. Л. 73.

стороне Каунаса. Создание этой видимости обуславливалось наметившимся стремлением литовского правительства, не верившего в длительность сохранения Литвой независимости, к поиску компромисса с Варшавой, что, как подчеркивал Лоренц, требовало создания препятствий на пути этого «поиска». У полпреда Лоренца в связи с этим беспокойство вызывали действия Ватикана. Он полагал, что следует дать понять Ватикану, что его планы польско-литовского сближения имеют для СССР

настолько неприемлемый политический привкус, что мы принуждены будем решительно противодействовать их церковным устремлениям, в результате чего они будут обречены на полную неудачу⁶.

Упомянутые мимоходом Лоренцом «аспирации» укладывались в поиск способов разрешения советской стороной имевшихся в советско-польских отношениях острых противоречий. Руководство НКВД, как и политическое руководство СССР, к концу 1924 г. были крайне заинтересованы в снижении напряженности на западной границе. На постановку членом коллегии НКВД В.Л. Коппом вопроса о формуле, в которой советская сторона могла бы дать Польше максимум удовлетворения при условии сохранения независимости Литвы, полпред предложил следующее:

Теперешние границы на севере Польши для нас <...> неприемлемы. В случае закрепления их нашей санкцией это привело бы с несомненностью к потере независимости Литвы и к созданию широкого Балтсоюза <...> В поисках компромисса с Польшей, мне кажется, что приемлемым был бы и для нас, и для Польши <...> следующий проект раздела Виленщины, вернее земель, лежащих между теперешними границами Польши с Литвой и с нами. Мы могли бы согласиться на признание южной части Виленщины с гор. Вильно за Польшей, с тем чтобы, однако, район к северу <...> отошел к нам <...> смысл этого проекта частично заключается в том, чтобы изолировать северную Прибалтику от Польши, поставить ее лицом к лицу с нами⁷.

Последовавшие изменения в советско-польских отношениях сделали данные соображения неактуальными.

Государственный переворот в Литве в декабре 1926 г. и его последствия для советско-литовских отношений

Сменивший на посту полпреда в Литве Лоренца С.С. Александровский⁸ серьезно поменял акценты в оценке политики Литвы, убеждая руководство, что в Каунасе стремятся поддерживать напряженность в польско-советских отношениях. В середине ноября 1925 г. Александровский предлагал выступить с инициативой заключения двустороннего политического договора, использовав его для консолидации литовской оппозиции и дискредитации партии христианских демократов. Точка зрения литовского историка Алгимантаса Каспаравичюса, что инициатива полпреда не находила тогда поддержки в Москве, а диалог с Каунасом рассматривался только как способ давления на Варшаву⁹, не подтверждается уже тем фактом, что вскоре после получения этого предложения Александровского в Политбюро ЦК ВКП(б) был заслушан доклад М.М. Литвинова по вопросу о Литве. Принятым решением разрешалось наркому Г.В. Чичерину остановиться по пути в Германию в столице Литвы («от поезда до поезда»), пригласив представителей Литвы в Москву для переговоров о договоре. 23 декабря Чичерин исполнил это¹⁰, что не осталось без внимания в Варшаве.

⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 27. П. 184. Д. 68. Л. 17.

⁷ Там же. Л. 73, 77, 78.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 509. Л. 5.

⁹ *Algimantas Kasparavičius. The political projections of the Great Powers with respect to Eastern Europe, 1925–1926 // Lithuanian historical studies. 1996. Vol. 1. P. 167.*

¹⁰ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения Особой папки». 1923–1939. М., 2001. С. 94.

Озабоченность советскими инициативами в Литве усилилась у Польши после осуществленного Ю. Пилсудским переворота в мае 1926 г. С другой стороны, проявленная в конце лета 1926 г. главой литовского правительства М. Сляжевичюсом готовность держать «двери открытыми для всех» породила опасения в Москве в отношении вероятного сближения позиций Литвы и Польши. Однако в Каунасе не проявляли желания отказываться от поддержки Москвы, поэтому советская инициатива о подписании двустороннего гарантийного пакта не могла не вызвать положительной реакции, поскольку такой акт усиливал позиции Литвы в отношениях с Польшей. В отличие от других государств на востоке Балтики, Литва не стала затягивать переговоры, и 28 сентября 1926 г. договор был подписан в Москве¹¹. В Варшаве крайне резко отреагировали даже не на сам факт подписания документа, сколько на ноту Г.В. Чичерина на имя министра-президента Миколаса Сляжевичюса, исполнявшего одновременно обязанности министра иностранных дел Литвы, в которой подчеркивалась поддержка территориального суверенитета Литвы, определенного советско-литовским мирным договором от 12 июля 1920 г.

На протяжении всего 1926 г. в Литве нарастала напряженность в отношениях правящей коалиции и оппозиции. Особенно в армейских кругах усиливались опасения в отношении вероятного компромисса с Польшей за счет отказа от притязаний Литвы на Вильно. Военный переворот 17 декабря 1926 г. стал разрешением нараставшего кризиса. В результате переворота президент К. Гриниус был вынужден два дня спустя уйти в отставку. Новым главой государства сейм избрал Антанаса Сметону, правительство возглавил Аугустас Вольдемарас¹². Цели переворота сводились его организаторами к желанию воспрепятствовать как полонизации страны, так и пробольшевистской политике правительства, которая расценивалась как несущая реальную угрозу государству. 20 декабря новоиспеченный глава правительства, по совместительству занявший пост главы МИД, на пресс-конференции сетовал на нежелание прежнего правительства противостоять большевистской кампании, которую в своих интересах могла использовать Польша¹³. Тема коррупции в государстве, которая была актуальна до переворота, как-то отошла на задний план.

Заявления, прозвучавшие из уст членов нового правительства, должны были, по крайней мере, насторожить советскую дипломатическую миссию в Каунасе. Однако состоявшаяся 22 декабря 1926 г. примечательная беседа С.С. Александровского с премьером А. Вольдемарасом свидетельствовала об обратном¹⁴. Не может не

¹¹ На готовность литовской стороны подписать договор не могли не повлиять неоднократно передававшаяся из Москвы информация о готовности Пилсудского к развязыванию вооруженного конфликта. Вне зависимости от того, насколько эти сведения отражали реальность, они определенно создавали необходимый эффект. См.: *Raimundas Lopata. Die Entstehung des autoritären Regimes in Litauen 1926. Voraussetzungen, Legitimierung, Konzeption // Autoritäre Regime in Ostmittel- und Südosteuropa 1919–1944. Hrsg. von Erwin Onerländer. Paderborn, München, 2001. P. 111. В конце июля 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б), заслушав доклады Чичерина, Стомонякова и Микояна, сочло возможным, «чтобы НКВД при переговорах со Сляжевичем, в случае необходимости, в осторожной форме дал понять о возможности обращения советского правительства по поводу готовящегося нападения Польши на Литву». См. об этом: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 5.*

¹² Анализ персонального состава кабинета А. Вольдемараса см., например: *Algis Bitautas. Augustino Voldemaro vyriausybės ministrų personalijos (1926 m. gruodis–1929 m. rugsėjis) // Istorija. 2013. № 1. P. 4–19.*

¹³ Об оценках переворота в Каунасе см.: *Algimantas Kasparavičius. Views of Western countries on the 1926 coup d'état in Lithuania // Lithuanian historical studies. 2007. № 12. P. 113–140.*

¹⁴ В этот день было опубликовано интервью главы МВД полковника И. Мустейкиса, в котором он заявил, что ликвидация большевизма будет продолжена, а государственный аппарат очищен полностью от нежелательных элементов. В этот же день дал интервью и Вольдемарас, заявивший, что первой задачей правительства станет возвращение Вильнюса и что оно будет взаимодействовать с

удивлять отсутствие дипломатического такта, проявленное в ходе разговора Александровским. Неизбежным становится и вопрос, насколько в действительности ориентировался в сложившейся обстановке полпред.

Я прямо спрашивал Вольдемараса, кто же сделал переворот, и его ответ гласил – национальное офицерство <...> Я продолжал высказывать сомнения, ссылаясь на то, что известное мне заставляет наоборот опасаться, не является ли все это дело инсценировкой господ иезуитов, в которой он и Сметона играют весьма служебную роль, хотя им по внешности отведена почетная роль <...> я не знаю до сих пор, является ли он триумфатором, или только почетным пленником, привязанным к колеснице триумфатора. Я сомневаюсь также, не едет ли на этой колеснице, в качестве действительного триумфатора Пилсудский по дороге из Вильно в Ковно. <...> Он [Вольдемарас] учитывает и основательность моего беспокойства, если бы оказалось, что в перевороте участвует рука хадеков¹⁵ с самого начала. Но этого, безусловно, нет <...> Прошедший переворот можно считать самым неприятным сюрпризом, какой может быть преподнесен Польше <...> он решительно протестует против того, что я, после такого долгого знакомства с ним и Сметоной, мог питать такие подозрения <...> Польша старается спровоцировать коммунистическое выступление, чтобы воспользоваться им для вмешательства во внутренние дела Литвы¹⁶.

Выслушав объяснения Вольдемараса, Александровский якобы попросил не морочить ему голову:

Я не обыватель Ковно, которого нужно пугать большевизацией для оправдания переворота военных. Вольдемарас замялся¹⁷.

В своем докладе в Москву Александровский настаивал, что, хотя Вольдемарас и Сметона участвовали в заговоре, но то, что переворот случился именно в этот день и час было для них сюрпризом:

У меня осталось впечатление, что идейный вдохновитель сам Вольдемарас, Сметона – вывеска. <...> Переворот круто изменил соотношение сил в стране против нас и в пользу Англии и Польши <...> Опасения всякого мирного внедрения польского влияния в Литве кажутся мне нереальными, по крайней мере, на близкое будущее. Другое дело опасность прямого вооруженного вмешательства Польши. Возможности для этого, безусловно, созданы переворотом¹⁸.

Полпред считал, что Литва находилась в состоянии совершенно неустойчивого равновесия.

Переворот и последовавший расстрел четырех коммунистов¹⁹, который Александровский и первый секретарь полпредства Д.Э. Скалов не смогли предотвратить, вывели из равновесия полпреда, считавшего себя весьма влиятельной фигурой в Литве. После католического Рождества Александровский сообщал в Москву:

Нужны другие средства, которыми можно было бы прошибить толстую шкуру бронтозавров, фактически хозяйствующих в Литве. В поисках за этими средствами я решаюсь высказать следующее. У нас в Москве имеется целая серия расписок почти за три года, в которых кое-кто из пришедших к власти (чтобы не называть имен, которые Вы вспомните) должен быть чрезвычайно заинтересован <...> Опубликование того, куда шли «большевистские» деньги в Литве может кое-кого буквально резать раз и навсегда. Я понимаю, что подобного рода опублико-

теми, кто признает Вильнюс литовским и может помочь его вернуть. Признавал Вильнюс литовским только СССР. См. об этом: *Alfonsas Eidintas. Antanas Smetona and his Lithuania: From the National Liberation Movement to an Authoritarian Regime (1893–1940)*. Brill, 2015. P. 182, 183.

¹⁵ Христианские демократы.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 028. П. 2. Д. 44. Л. 2–5.

¹⁷ Там же. Л. 5.

¹⁸ Там же. Л. 12, 13, 14.

¹⁹ В связи с казнями коммунистов в Москве сочли целесообразным ограничиться организацией общегородского митинга протеста в Колонном зале Дома Союзов. См. об этом: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 36.

вание чрезвычайно компрометировало бы и нас. Поэтому я не собираюсь предлагать действительно публиковать подобного рода вещь. Я только думаю, что мог бы шантажировать заинтересованных лиц угрозой опубликования²⁰.

Александровский пошел на такой шаг, который был недопустим для главы дипломатической миссии страны, стремившейся поддерживать особые отношения с Литвой. Он не откликнулся на приглашение на новогодний прием у президента Литвы А. Сметоны. Скандальная ситуация имела последствия.

С.С. Александровский упорно отказывался верить тому, что реальная власть оказалась в руках лидеров Союза литовских националистов (таутининков). Он доказывал Б.С. Стомонякову:

Вольдемарас и Сметона действительно не имеют абсолютно никакой власти. Меня интересовал вопрос, кому же она в таком случае принадлежит? Здесь на первом плане стоял вопрос о хадеках <...> я не мог установить того, чтобы власть принадлежала хадекам, хотя бы приблизительно в том размере, в каком она отсутствует у Сметоны и Вольдемараса <...> Сейчас вошница, все же, играет решающую роль. Социально она не имеет четкой физиономии²¹.

Если указание на офицерские круги как серьезный фактор внутривосточной нестабильности соответствовало действительности, то заикленность полпреда на мысли о некоем скрытом от глаз общественности сохраняющемся влиянии христианских демократов с неизбежностью порождала опасения, что имевшийся ранее тренд на польско-литовское сближение отнюдь не ушел в прошлое. Секретарь полпредства Д.Э. Скалов, ссылаясь на информацию, полученную от военного атташе, писал в середине февраля 1927 г., что христианские демократы ведут «оживленную акцию по литовско-польскому сближению и активно нажимают на Литпра»²².

Попытки А. Вольдемараса вовлечь СССР в эвентуальный литовско-польский конфликт

В Москве не могли не вызвать настороженность некоторые публичные выступления проявившего исключительную активность Вольдемараса²³. Это вынудило Стомонякова в беседе с литовским посланником Ю. Балтрушайтисом 14 марта 1927 г. заявить:

Чем объяснить отсутствие указания в декларации Вольдемараса на то, что отношения с СССР будут развиваться на основании договора 28 сентября? Отсутствие ссылки на договор 28-го сентября, в котором вновь подкрепляется принадлежность Вильно к Литве, и злобная ссылка в декларации Вольдемараса, что СССР признает право самоопределения только за пролетариатом, не может не вызывать впечатления, что Вольдемарас не придает серьезного значения договору 28-го сентября <...> «во вне» Литпра создавало впечатление охлаждения между нами, и его нужно как-то изгладить»²⁴.

Александровский, осознавший, насколько испортил личные отношения с новым литовским руководством, попытался сгладить недовольство своего начальства намеками на желательность отставки («сейчас прямо неблагоприятно оставлять меня дольше в Ковно»), но при этом отказывался признавать собственные промахи. Без лишней скромности он писал в Москву, что для литовских правителей он стал

²⁰ АВП РФ. Ф. 028. П. 2. Д. 44. Л. 33.

²¹ Там же. Л. 66–67.

²² Там же. Л. 86.

²³ Скорее всего именно охлаждением двусторонних отношений было продиктовано принятое 3 марта Политбюро ЦК ВКП(б) решение о нецелесообразности заезда полпреда в Германии Н.Н. Крестинского в Каунас на обратном пути в Германию. См. об этом: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 70.

²⁴ АВП РФ. Ф. 09. Оп. 2. П. 13. Д. 2. Л. 153–154.

«в достаточной мере персона унграта», так как его считают «очень умным, хитрым, сорви головой, одно присутствие которого в Литве доставляет для них прямо жизненную угрозу»²⁵. И вместе с тем не намекал, а довольно категорично советовал руководству:

Если у Вас есть весьма достаточные основания ожидать в самом близком будущем решительных и крупных осложнений на наших границах, вплоть до военного конфликта, то меня можно и, пожалуй, нужно оставить в Ковно. Если дело дойдет до драки, то моя «популярность» в качестве имеющего в Москве вес «боевика» и мое знание Сметоны и Вольдемараса могут оказаться полезными²⁶.

В Москве к этому времени вопрос о замене полпреда был решен. 3 мая 1927 г. литовская сторона уже согласилась дать агреман новому полпреду – А.Я. Аросеву.

В Москве были озабочены внутривосточной нестабильностью в Литве, чреватой непредсказуемым развитием событий. Стомоняков неоднократно в беседах с литовским посланником «старался внушить своему собеседнику заинтересованность в консолидации внутреннего положения в Литве»²⁷. Проявленная в первые месяцы после прихода к власти дуумвиратом Сметона – Вольдемарас явная отстраненность в отношениях с Москвой обуславливалась именно внутренней нестабильностью, однако конфликтность в отношениях с Польшей оставалась, более того, именно эта нестабильность побуждала Варшаву усиливать нажим на Каунас. Вынесение в повестку дня очередной сессии Лиги наций польско-литовского конфликта побуждало литовскую власть обратиться за поддержкой Москвы, где предпочли проявить сдержанность. В начале сентября 1927 г. Стомоняков довел до сведения литовского посланника, что политическое руководство СССР не считает возможным принятие какого-либо участия в сессии Лиги Наций, сославшись на формальный аспект – СССР не является ее членом²⁸. Осознание своей внешнеполитической изоляции вынуждало литовскую сторону настаивать на просьбе о посылке советского наблюдателя в Женеву. Более того, литовский посланник в Берлине был уполномочен прозондировать через главу МИД Германии Г. Штреземана возможность допущения советского наблюдателя²⁹. Литовской стороне было отказано в повторном публичном изложении советской позиции по польско-литовскому спору.

Именно внешнеполитическая изоляция вынудила Литву согласиться на проведение в апреле 1928 г. переговоров с Польшей в Кенигсберге. В отношении этих переговоров между руководством НКВД и полпредом в Литве А.Я. Аросевым возникли трения. Последний был против директивы НКВД сделать Вольдемарасу предупреждение о том, чтобы тот не пытался сорвать открывавшуюся конференцию. Это за полчаса до начала переговоров сделал советский консул в Кенигсберге Г.К. Меерзон³⁰. Аросев принципиально не соглашался с базовыми оценками своего руководства в отношении Литвы, считая, что коллегия НКВД, вынося свое решение о необходимости рекомендовать Вольдемарасу уступчивость, исходила из того, что иначе не избежать вооруженного столкновения между Польшей и Литвой, а

²⁵ АВП РФ. Ф. 028. П. 2. Д. 44. Л. 94, 95.

²⁶ Там же. Л. 97.

²⁷ Там же. Ф. 09. Оп. 2. П. 13. Д. 2. Л. 175.

²⁸ Там же. Л. 194.

²⁹ Там же. Л. 196.

³⁰ Там же. Ф. 0151. Оп. 16. П. 32. Д. 2. Л. 57–58. Г.К. Меерзон занимал пост генерального консула в Кенигсберге в 1928–1930 гг. См.: *Костяшев Ю.В.* «Польский вопрос» в советско-германских отношениях второй половины 1920-х годов (по материалам консульства в Кенигсберге) // Балтийский регион. 2013. № 3 (17). С. 137.

такую возможность и я долгое время считал реальной, пока годовой опыт работы здесь не убедил меня в том, что при данной ситуации вооруженное столкновение, открытое или замаскированное, между Польшей и Литвой исключено. <...> Из моего опыта работы здесь я вывожу совершенно безбоязненно заключение, что Польша не имеет никаких данных нападать на Литву, как бы Литва не была непримирима по отношению к Польше <...> Я исхожу из того факта, что мы не пацифисты, и, следовательно, не можем избегать войны только потому, что она война, даже в том случае, когда та или иная мирная акция, как в данном случае соглашение Польши с Литвой для нас приносит больше вреда, чем военная акция. На основании всего вышеизложенного я считаю своим долгом, вытекающим не только из совести, но и из моего опыта и наблюдений, поставить перед НКВД о пересмотре нашей линии в польско-литовском конфликте³¹.

Отношение в Москве к польско-литовским переговорам было сдержанным. Желательным, судя по всему, признавалось только снятие особой напряженности в отношениях между Каунасом и Варшавой. Этим обуславливался отказ советской стороны от участия в переговорах о польско-литовском пакте, предложенном польской стороной. Чтобы смягчить отказ, Москва предложила Вольдемарасу «заключить с поляками соглашение генуэзского образца»³². Именно по этой причине полпред Аросев удостоился выволочки со стороны руководства. Явно раздраженный Стомоняков писал полпреду:

Я считаю ошибочным, что Вы в последнем разговоре с Вольдемарасом, в ответ на его заявление, что он хотел бы, чтобы мы, приняв участие в заключении польско-литовского пакта, гарантировали, что мы не будем нападать на Польшу с северо-востока, – заявили, что нам неудобно принимать такое обязательство, «поскольку мы готовы заключить с Польшей пакт о ненападении с любого участка. Напротив, мы всегда стремились говорить литовцам, что польско-советские переговоры о пакте несерьезны и не приведут к положительным результатам. Наша ценность для Литвы измеряется главным образом с точки зрения возможности нашей войны с Польшей. Не нам уверять Литву в том, что мы пацифисты во что бы то ни стало»³³.

Поскольку Аросев не был склонен отказываться от своих взглядов, Стомонякову пришлось еще раз жестко указать полпреду:

Мы не заинтересованы в том, чтобы толкать Вольдемараса на политическое соглашение с Польшей, и Ваше противоположное заключение совершенно необоснованно. Вы забываете, что наш совет Вольдемарасу вручить полякам контрпроект «генуэзского образца» диктовался необходимостью парировать ловкий ход поляков, предложивших заключить пакт о ненападении. Простое отклонение этого предложения восстановило бы против Литвы все общественное мнение за границей <...> именно «генуэзский» характер этого соглашения подчеркивал бы неурегулированность политических отношений между обеими странами³⁴.

В Москве оказались обеспокоены тем, что в ходе переговоров со стороны польских делегатов прозвучали намеки на возможность раздела сфер влияния с СССР («будто правительство СССР намеревается дать согласие на присоединение в той или иной форме Литвы к Польше под условием получения Советским Союзом компенсации в виде присоединения к нему Латвии»)»³⁵.

Впрочем, литовская сторона сама целенаправленно торпедировала возможность политического урегулирования конфликта с Польшей. 25 мая вступила в силу новая конституция Литвы, в которой столицей был назван Вильнюс. Анализируя действия литовской стороны, Стомоняков приходил к следующему выводу:

³¹ АВП РФ. Ф. 0151. Оп. 16. П. 32. Д. 3. Л. 167–168.

³² Там же. Д. 2. Л. 65. Под «генуэзским образцом» имеется в виду протокол о мирном разрешении международных конфликтов, утвержденный Лигой Наций 2 октября 1924 г. Протокол устраивал Францию, так как содержал гарантии сохранения территориального status quo, установленного Версальским договором, в частности, гарантии границ восточноевропейских союзников Франции.

³³ Там же. Л. 71.

³⁴ Там же. Л. 83.

³⁵ Там же. Л. 90.

Когда продумываешь все шаги А. Вольдемараса в польско-литовском конфликте и стремление найти в них какой-нибудь смысл, то невольно приходит в голову мысль, что Вольдемарас или спекулирует на возможности польско-советского вооруженного конфликта, или стремится создать такое положение, при котором всему литовскому народу стало бы ясно, что для него нет другого выхода, как «получить Вильно» в рамках польской федерации³⁶.

Озабоченность последствиями такой политики послужила для коллегии НКВД причиной принятия решения о том, чтобы уезжавший в отпуск в Германию Стомоняков сделал остановку в Каунасе, переговорил с Вольдемарасом с глазу на глаз и сделал бы тому предупреждение, что «если он не будет следовать нашим советам умеренности и спровоцирует конфликт, он не может рассчитывать на нашу поддержку»³⁷.

Для временного поверенного в делах СССР в Литве С.И. Рабиновича изложенной Б.С. Стомоняковым дилеммы не существовало, он был уверен, что все расчеты А. Вольдемараса покоились на тезисе о близости советско-польской войны:

В случае таковой Вольдемарас предвидит для Литвы не одну только возможность выгодного использования ее стратегического положения для получения Вильно. В не меньшей, пожалуй, мере он строит расчеты на том, что такая война могла бы эвентуально повести к возникновению новых государств из частей СССР и Польши, а именно Белоруссии и Украины, и что тогда для Литвы создалась бы совершенно иная международная ситуация, с иными гарантиями независимости и иными перспективами <...> Я должен тут особо отметить и подчеркнуть, что оценка Вольдемараса как человека, якобы одержимого самодурством *par excellence* и не взвешивающего своих планов, была бы глубоко неправильной. Вольдемарас груб, нахален, хулиганист, но его манеры и приемы не должны обманывать относительно того, что у него есть линия, по крайней мере, до сего времени последовательно и не без умелости и ловкости им проводившаяся <...> Вольдемарас и в Лондоне, и в Женеве мог укрепиться в мысли, что со стороны англичан (и французов) форсируется нападение на нас через Польшу – от того и их нетерпеливые усилия поскорее заставить Литву идти на установление отношений с Польшей³⁸.

Вольдемарас неизменно стремился доводить до сведения советской стороны тревожную информацию. За неделю до приезда в Каунас Стомонякова он сообщил Рабиновичу, что в Варшаве решено покончить с Литвой осенью, оторвать от СССР Украину и включить ее в состав Польши, подчеркнув, что

не в польско-литовских отношениях нужно искать повода для ближайшей европейской войны, а в польско-советских³⁹.

Искусственность построений Вольдемараса, с одной стороны, в Москве осознавалась, но с другой, вызывала обеспокоенность его возможными последующими действиями, вполне способными вызвать вооруженный конфликт с Польшей. По этой причине, хотя у Стомонякова и вызывала сомнения предполагаемая поездка через Каунас, тем не менее в коллегии НКВД было решено, что встреча в литовской столице должна состояться.

10 июля у Стомонякова состоялась трехчасовая беседа с Вольдемарасом. Выяснилось, что литовский политик

не только не согласен сойти с того непримиримого пути, которого держался до сих пор в польско-литовских переговорах, но считает для теперешнего литовского правительства этот путь единственно возможным, так как в противном случае его правительство может быть свергнуто. При этом он признавал, что не обманывает себя относительно того, что СССР не окажет ему никакой военной помощи в том случае, если военное столкновение между Польшей и Литвой

³⁶ АВП РФ. Ф. 0151. Оп. 16. П. 32. Д. 2. Л. 98–99.

³⁷ Там же. Л. 101.

³⁸ Там же. Д. 3. Л. 250–251.

³⁹ Там же. Л. 291–292.

произойдет в такой момент, который Советский Союз считает для себя неудобным; другими словами, он не рассчитывает, что ему удастся ввязать СССР в польско-литовский вооруженный конфликт⁴⁰.

Оценивая результаты каунасских переговоров, исполнявший обязанности члена коллегии НКВД С.С. Александровский сообщал Рабиновичу:

На Вольдемараса нужно продолжать давить всеми средствами для того, чтобы побудить его заключить с поляками хотя бы соглашение о пограничном сообщении <...> а также соглашение о сплаве леса по Неману <...> В полной силе остается и директива о необходимости внушать литовцам мысль, что мы не позволим спровоцировать военное столкновение между нами и Польшей и не станем защищать Литву, если она вызовет военное столкновение с Польшей. Однако для Вашей личной ориентации я должен сказать, что существование независимой Литвы <...> для нас чрезвычайно важно, и поэтому мы не можем не предпринимать мер к предотвращению возможного польского насилия над Литвой⁴¹.

Фактическое откладывание в Лиге наций рассмотрения польско-литовского спора было положительно воспринято в Москве. Стомоняков поспешил написать Аросеву:

Актом высшей мудрости со стороны Вольдемараса было бы использовать эту передышку <...> для того, чтобы взять инициативу в свои руки, использовав благоприятную для него ситуацию для заключения какого-нибудь соглашения с Польшей, с тем, чтобы на основе этого соглашения добиться на следующей сессии Совета Лиги наций снятия польско-литовского вопроса с дальнейшего обсуждения в Женеве. <...> наиболее целесообразно было бы для Литвы заключить с Польшей соглашение об отказе от насильственных действий для разрешения спорных вопросов по генуэзскому образцу. Пакт Келлога не устраняет целесообразности такого соглашения⁴².

Позже, развивая свою мысль, Стомоняков напишет:

Убеждение Вольдемараса, что «пакт Келлога, по крайней мере, на два года обеспечивает Европе мир» и, следовательно, обеспечивает Литву от нападения Польши, поражает своей наивностью. Польша незачем официально объявлять войну Литве для того, чтобы оккупировать ее. Она может организовать дело таким образом, что «нападение будет исходить от самой Литвы», или что «в Литве народ восстает против Вольдемараса» и заключит с Польшей нужный ей договор <...> Что касается утверждения Вольдемараса, будто я утверждал, что «Польша будет находиться в мирных отношениях с СССР максимум (или минимум) еще 10 лет», то <...> я говорил ему, что, конечно, Польша усиленно готовится к войне с нами, но что война эта не является делом самого близкого будущего. Польша, – говорил я, – может начать войну следующей весной, может начать ее через год, может быть и через несколько лет <...>. Во всяком случае – и в этом был центр тяжести моей аргументации – расправа с Литвой должна предшествовать войне Польши с СССР. Из стратегических и политических соображений Польша пойдет на расправу с Литвой, прежде чем решится напасть на нас⁴³.

Более того, советская сторона предприняла в Берлине и Тегеране шаги, чтобы при поддержке Германии и Персии наиболее безболезненно завершить обсуждение литовского вопроса в Лиге наций, чтобы

дальнейшее урегулирование отношений между Польшей и Литвой непосредственно дипломатическим переговорам между обеими странами⁴⁴.

⁴⁰ АВП РФ. Ф. 0151. Оп. 16. П. 32. Д. 3. Л. 305–306.

⁴¹ Там же. Д. 2. Л. 1119.

⁴² Там же. Л. 143–144.

⁴³ Там же. Л. 154–155.

⁴⁴ Там же. Л. 176.

Тем не менее советская точка зрения не оказала воздействия на Вольдемараса⁴⁵, что и дало о себе знать в ходе очередного раунда польско-литовских переговоров в Кёнигсберге в начале ноября 1928 г. Высказанное польской делегацией мнение, что вопрос о гарантиях безопасности в связи с подписанием пакта Келлога утрачивает свое значение, Вольдемарас парировал не только отсылкой к сделанным польской стороной оговоркам при подписании пакта, но и предложил подписать такого же рода пакт в рамках территориально более ограниченных, например, пакт, имеющий участниками лишь ближайшие государства, как Германия, СССР, Польша, Литва, Латвия⁴⁶. Перед началом нового года в Москве продолжали испытывать опасения, что «Вольдемарас будет саботировать непосредственные переговоры с поляками»⁴⁷.

Попытки советских дипломатов в связи с кампанией по подписанию дополнительного протокола к пакту Келлога склонить на рубеже 1928–1929 гг. Вольдемараса к подписанию трилатерального (польско-литовско-советского) пакта оказались безнадежными⁴⁸. В Москве разделили мнение полпреда Антонова-Овсеенко, что

мы в Литве настолько слабо противоборствовали закреплению нам враждебных явлений, что сейчас здесь нет ни одной политической партии или группы, которая осмелилась не то чтобы рекомендовать ориентацию на Москву, но просто оговаривать необходимость установления добрососедских отношений с нами⁴⁹.

Вместе с тем в Москве получали информацию о том, что позиции Вольдемараса в Литве пошатнулись. В беседах в НКВД посланник Ю. Балтрушайтис открыто говорил об изоляции главы правительства, об отсутствии у него серьезной поддержки даже в армии⁵⁰. Когда 6 марта 1929 г. состоялось заседание Коллегии НКВД, было принято решение о необходимости уклоняться под любым предлогом, от какого бы то ни было пересмотра и углубления договорных отношений с Литвой. Вместе с тем на этом же заседании было принято и два других решения: просить Госиздат отмечать во вновь издаваемых им географических картах особой краской или пунктиром спорную между Литвой и Польшей территорию, а не изображать ее на карте, как область, целиком принадлежащую Польше⁵¹. Кроме того, Коллегия отнеслась отрицательно к посылке Литвой военных специалистов в советские военные учебные заведения (в данном случае члены Коллегии не считали возможным усиление у приехавших советофильских настроений)⁵².

Давая оценку советско-литовским отношениям при Вольдемарасе, Стомоняков писал полпреду:

Вы говорите о симптомах «серьезного отклонения Литвы с пути особого сближения с нами». Необходимо, однако, признать, что сколько-нибудь серьезной близости у нас с Литвой Вольдемараса никогда не было или, если так можно выразиться, между нами существовала «одно-

⁴⁵ В одном из своих писем руководству, занявший пост полпреда в Литве Антонов-Овсеенко замечал: «Правительство Вольдемараса не столь дружелюбно нам, чтобы было способно понимать нас с полуслова и следовать нашей инициативе, без предварительного с ним сговора». См.: АВП РФ. Ф. 0151. Оп. 17. П. 34. Д. 1. Л. 38.

⁴⁶ Там же. Оп. 16. П. 32. Д. 3. Л. 449. Стоит заметить, что М.М. Литвинов считал Вольдемараса в известном смысле автором идеи дополнительного протокола к пакту Келлога.

⁴⁷ Там же. Д. 2. Л. 182.

⁴⁸ Там же. Оп. 17. П. 34. Д. 1. Л. 7. Подробнее о подписании дополнительного протокола к пакту Келлога см.: Рупасов А.И. Гарантии. Безопасность. Нейтралитет. СССР и государства-лимитрофы в 1920-х – начале 1930-х гг. СПб., 2008. С. 169–207.

⁴⁹ АВП РФ. Ф. 0151. Оп. 17. П. 34. Д. 1. Л. 48.

⁵⁰ Там же. П. 35. Д. 3. Л. 16.

⁵¹ Там же. П. 36. Д. 9. Л. 7–8.

⁵² Там же. П. 35. Д. 3. Л. 30.

сторонняя близость. <...> Вольдемарас глубоко враждебен нам и, несомненно, показал бы это в гораздо большей степени, если бы не сознавал, насколько мы ему нужны <...> Наша объективная заинтересованность в независимости Литвы создает известный «автоматизм» в отношениях обоих государств. Воля политиков и смена правительств в Литве тут мало что может изменить⁵³.

Более того, к концу 1929 г. накопившийся опыт общения как с оппозиционными литовскими политиками, так и с представителями партии таутининков оставил у полпреда впечатление склонности к установлению нормальных дипломатических отношений с Польшей при условии признания последней виленского вопроса открытым⁵⁴.

Выводы

Нараставшие постепенно, но неуклонно разногласия между президентом А. Сметоной и Вольдемарасом к 1929 г. перестали быть только сферой слухов. В дипломатическом корпусе в Каунасе имели достаточно полную информацию об отношениях двух политиков. Отсутствие каких-либо значимых успехов у кабинета Вольдемараса стимулировало нарастание недовольства в его родной партии. То, что внутривластная ситуация в Литве осложняется, свидетельствовал факт покушения на главу правительства 6 мая 1929 г.⁵⁵ Отказ М.М. Литвинова «заглянуть в Ковно»⁵⁶, хотя литовский посланник Балтрушайтис и доносил в Каунас, что вопрос о визите решен положительно, объяснялся именно тем, что исход политической карьеры Вольдемараса становился более очевидным, а отношение к этому политику у политического руководства СССР уже сложилось крайне негативное. Политбюро не дало своей санкции Литвинову на заезд в Каунас. Антонов-Овсеенко, понимая это, не настаивал даже на обязательности заезда Стомонякова в Каунас по пути в отпуск («может быть – обещать литовцам»)⁵⁷. 19 сентября президент А. Сметона отправил А. Вольдемараса в отставку, упрочив свои позиции назначением зятя Ю. Тубялиса на освободившийся пост.

Поступила в редакцию / Submitted: 10.02.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 29.12.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 14.03.2022

References

- Bitautas, Algis. “Augustino Voldemaro vyriausybės ministrų personalijos (1926 m. gruodis–1929 m. rugsėjis) [Personalities of ministers of the Government of Augustine Voldemaras (December 1926 to September 1929).” *Istorija* 89, no. 1 (2013): 4–19 (in Lithuanian).
- Eidintas, Alfonsas. *Antanas Smetona and his Lithuania: From the National Liberation Movement to an Authoritarian Regime (1893–1940)*. Brill: [S.n.], 2015.
- Kasparavičius, Algimantas. “The political projections of the Great Powers with respect to Eastern Europe, 1925–1926.” *Lithuanian Historical Studies*, no. 1 (1996): 163–175, doi: 10.30965/25386565-00101011.
- Kasparavičius, Algimantas. “Views of Western countries on the 1926 coup d’état in Lithuania.” *Lithuanian Historical Studies*, no. 12 (2007): 112–140, doi: 10.30965/25386565-01201006

⁵³ АВП РФ. Ф. 0151. Оп. 17. П. 35. Д. 3. Л. 33.

⁵⁴ Там же. П. 34. Д. 1. Л. 149, 153.

⁵⁵ Покушение произошло по пути в театр в Каунасе, был убит адъютант А. Вольдемараса, серьезно пострадал племянник премьера. Обвинение было предъявлено представителям левого студенческого движения Аушринанкай, запрещенного в 1926 г.

⁵⁶ Обсуждение вопроса о возможности заезда М.М. Литвинова по пути из Женевы в Каунас начал обсуждаться едва ли не с начала апреля 1929 г. В качестве причины отказа была названа исключительная усталость Литвинова.

⁵⁷ АВП РФ. Ф. 09. Оп. 4. П. 37. Д. 28. Л. 105.

- Kostyashev, Yu.V. “ ‘Polskii vopros’ v sovetsko-germanskix otnosheniakh vtoroi poloviny 1920-kh godov (po materialam konsul’stva v Kyonigsberge).” *Baltic Region*, no. 3 (2013): 135–145, doi: 10.5922/2074-9848-2013-3-10 (in Russian).
- Lopata, Raimundas. “Die Entstehung des autoritären Regimes in Litauen 1926. Voraussetzungen, Legitimierung, Konzeption.” In *Autoritäre Regime in Ostmittel- und Südosteuropa 1919–1944*. Hrsg. von Erwin Onerländer, 95–142. Paderborn; München: [S.n.], 2001 (in German).
- Rupasov, Aleksandr I. *Garantii. Bezopasnosti. Neitralitet. Sovetskii Soyuz i limitrofy v 1920-x – nachale 1930-kh gg.* St. Petersburg: Evropeiskii Dom Publ., 2008 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Александр Иванович Рупасов, д-р истор. наук, ведущий научный сотрудник отдела современной истории России Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук; 197110, Россия, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7; rupasov_ai@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-3172-6205>

Aleksandr I. Rupasov, Dr. habil. hist., Leading Researcher, Department of Modern History of Russia, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences; 7 Petrozavodskaya St., St. Petersburg, 197110, Russia; rupasov_ai@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-3172-6205>